

Лариса Николаевна Гарусова¹

lgarusova@mail.ru

АМЕРИКАНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРИСУТВИЕ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1920-е гг.)

В статье рассматривается эволюция российско-американских экономических отношений на Дальнем Востоке в 1920-е гг. в условиях радикальной трансформации России. На основе широкого круга источников (включая местную периодическую печать 1920-х гг.) автор попытался восстановить общую картину американского делового присутствия в Дальневосточном регионе России и определить его специфику. Выявлено, что сложившиеся ещё до революции региональные торгово-экономические связи двух стран не прервались в новых исторических условиях. В годы Гражданской войны и интервенции местный российский бизнес и локальные дальневосточные правительства, вне зависимости от их политической ориентации, стремились к сотрудничеству с США. После установления советской власти на всей территории Дальнего Востока, усиления централизации и государственного контроля началось постепенное вытеснение американского капитала из региона. Автор определил, что основными формами американского экономического присутствия на Дальнем Востоке в 1920-е гг. оставались торговля и, в меньшей степени, концессионная деятельность. Другие формы регионального экономического взаимодействия двух стран, такие как международные транспортные проекты или обмен специалистами, оказались невостребованными. Торгово-экономические связи советского Дальнего Востока и США смягчили проблему снабжения населения потребительскими товарами и обеспечения советской промышленности в период индустриализации необходимыми машинами и оборудованием.

Ключевые слова: экономические связи, Гражданская война, США, советский Дальний Восток, торговля, концессии, транспортные проекты.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия. Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

Larisa N. Garusova²

lgarusova@mail.ru

**AMERICAN ECONOMIC PRESENCE
IN THE RUSSIAN FAR EAST DURING THE CIVIL WAR
AND THE FORMATION OF SOVIET POWER (1920s)**

The article deals with the evolution of Russian-American economic relations in the Far East in the 1920s in state of drastic transformation of Russian society. Based on the analysis of a wide range of historical sources (including the local newspapers of 1920s), the author tried to restore the overall picture of the American business presence in the Russia's East and to identify its regional specificity. It was found that the regional trade and economic ties between the two countries, which had developed even before the revolution, were not interrupted in the new historical conditions. During the years of the Civil War and the Intervention, local Russian business, as well as local Far Eastern governments, regardless of their political orientation, sought cooperation with the United States. After the establishment of Soviet rule throughout the Far East, the strengthening of centralization and state control, the gradual displacement of American capital from the region began. The author proves that the main forms of the American economic presence in the Far East in the 1920s were trade and concession activities. Other forms of regional economic cooperation between the two countries, such as international transport projects or the exchange of specialists, were not in demand. Trade and economic relations between the Soviet Far East and the United States mitigated the problem of supplying the population with consumer goods and providing the Soviet industry with the necessary machinery and equipment during industrialization.

Keywords: economic relations, Civil War, USA, Soviet Far East, trade, concessions, transport projects.

История взаимоотношений России и Соединённых Штатов на Дальнем Востоке сложна и неоднозначна. Весьма противоречивым по своему содержанию и итогам является период 1920-х гг., совпавший по времени со становлением советской власти в Дальневосточном регионе. Ему предшествовали драматические события и коллизии двух революций, Гражданской войны и интервенции, когда впервые за многие десятилетия традиционное американское экономическое, политическое и культурное присутствие на Дальнем Востоке дополнилось военным вмешательством Америки во внутренние российские события. Однако сложившиеся ещё до революции тесные

---

² Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

региональные торговые и экономические отношения двух стран не прервались в новых исторических условиях³. К сожалению, отсутствие достаточных и непротиворечивых статистических данных по заявленной теме препятствует детальной реконструкции основных сюжетов последней, позволяя обрисовать лишь их общие контуры.

В период Гражданской войны (1918—1922) союзные державы, участвовавшие в интервенции, не скрывали своих планов по эксплуатации богатств Сибири и Дальнего Востока. Иногда они пытались договориться между собой о разделе сфер влияния или же совместном «освоении» ресурсов. Так, в августе 1919 г. в МИД Японии состоялось совещание по вопросу создания объединённой англо-американо-японской корпорации, которая бы занималась «промышленной эксплуатацией Сибири». Потенциальных партнёров по корпорации интересовали горное дело, промышленность и железнодорожное сообщение. Предполагалось зарегистрировать новую корпорацию как японскую компанию, однако она должна была включать в себя английские и американские фирмы. Среди последних назывались «Америкен Интернешнл корпорейшн», «Ю.С. Стил корпорейшн», «Гугенхейм» и др. [21, с. 151—152].

Проблема создания на Дальнем Востоке международного синдиката с японским и американским капиталом обсуждалась и российской стороной в дальневосточной печати. В марте 1920 г. газета «Дальневосточное обозрение» констатировала, что «общество американских и японских капиталистов возьмёт в своё ведение сибирские рудники, добычу минеральных природных богатств вообще, постройку железных дорог в Сибири и Маньчжурии» [14].

В мае 1920 г. во Владивостоке собрались представители коммерческого «русского и иностранного мира», чтобы обсудить вопрос о создании здесь международной торговой палаты. Представители Японии, Китая и Америки в результате дали своё согласие на её создание. Член Приморской областной земской управы и один из организаторов этого мероприятия А.А. Меньщиков заявил, что «большой разницы в капиталах Америки или другой страны нет» [16]. Таким образом, российская сторона была заинтересована в сотрудничестве с американским или иным иностранным капиталом в неменьшей степени, чем тот стремился к «освоению» дальневосточных ресурсов. При этом не только дальневосточные деловые круги, но и подавляющее большинство местных правительств, независимо от их политической ориентации, стремились добиться поддержки и признания Соединённых Штатов [5, с. 80].

³ *Примечание:* непосредственные события Гражданской войны и становления советской власти на Дальнем Востоке не являются предметом данного исследования.

Экономические интересы и притязания американцев на природные ресурсы Дальнего Востока не были секретом для русской общественности. Так, обозреватель местного кооперативно-экономического журнала «Великий океан» А. Петров констатировал, что «американская специальная печать уже давно говорит об исключительных американских интересах на Чукотском полуострове, в Охотско-Анадырском крае, каковые области, по мнению американских промышленников и политиков, являются естественным продолжением „американской“ Аляски и её знаменитого золотосносного края» [26, с. 56]. Любопытно, что непреходящий с дореволюционных времён интерес американского бизнеса к сфере добычи золота на Дальнем Востоке проявился в советский период в том, что значительная часть американских концессий (или их проектов) была связана именно с данной отраслью.

В целом американский капитал проявлял интерес к горному и лесному делу, а также к железнодорожному строительству в Сибири и на Дальнем Востоке. Предприниматели из США не раз обращались к правительству Колчака, а позже и к другим локальным дальневосточным властям за разрешениями на ведение бизнеса в этих отраслях. Ещё в декабре 1919 г. американское консульство во Владивостоке разослало частным фирмам и кооперативам списки американских фирм, желавших завязать деловые контакты с Сибирью и Дальним Востоком [12].

Бывший российский консул в Сан-Франциско Ю.С. Романовский в свою очередь, учитывая заинтересованность в международных экономических связях на местах, пытался помочь русским предпринимателям в поиске американских деловых партнёров. Он издавал в 1919—1920 гг. на русском и английском языках «Вестник русско-американского сближения». Этот ежемесячный журнал высылался бесплатно русским правительственным, общественным и коммерческим организациям [15].

Из-за политической и экономической нестабильности в период Гражданской войны в регионе работали преимущественно крупные американские компании, такие как «Гаранти Траст Ко», «Дженерал Электрик», «Дир», «Маккормик» и другие, имевшие здесь свой бизнес ещё до революции. На уровне намерений интерес к Дальнему Востоку проявляли и компании-новички. Так, экономический еженедельник «Русское Приморье» регулярно публиковал предложения фирм из США о деловом сотрудничестве, например, в его втором номере за 1922 г. были напечатаны объявления компании, производящей керосиновые двигатели, «Вудхауз Смит» из Сиэтла и торговой фирмы «Меритэс Мэксентайл Корпорейшн» из Нью-Йорка [28, с. 17—18].

Одним из объектов внимания американского государства и бизнеса были сибирские кооперативы. Ко времени революции и в последующий период в Сибири сложилось сильное кооперативное движение. Американцам был понятен такой способ ведения бизнеса, экономически выгодный и довольно демократичный. Для американских деловых кругов и государства являлось важным, что в лице кооперативов имелась готовая организация, на которую можно было опереться в реализации своих экономических планов. В свою очередь руководство кооперативного движения рассчитывало на поддержку иностранного капитала в снабжении региона потребительскими товарами и техникой.

В апреле 1919 г. дальневосточная пресса сообщала о масштабных торговых контрактах, заключённых представителями Союза сибирских кооперативов в Нью-Йорке. Объединением сибирских кооперативов было «закуплено около 9 млн фунтов кожи подошвенной, ботинок около 500 000 пар, пил около 50 000 штук, жатвенных машин около 6000 штук. Общая сумма произведённых закупок для Сибири доходит до 100 млн рублей» [11]. Другое влиятельное кооперативное объединение в Сибири — Центросоюз (Всероссийский центральный союз потребительских обществ) — также сотрудничало с американцами. Его руководитель В.К. Вахмистров, посетивший в феврале 1920 г. Западное побережье США, пытался наладить деловое сотрудничество с представителями торгово-промышленного капитала Сиэтла [17].

Сложившиеся в дореволюционный период торговые связи российского Дальнего Востока и США оказались вполне жизнеспособными и позже, адаптируясь к новым условиям. Они не прерывались как в нестабильные годы Гражданской войны, так и в первое десятилетие после установления советской власти. Основной поток грузов из США шёл морем, через порт Владивосток. Гражданская война породила спрос на импортное продовольствие, поэтому американский экспорт во Владивостоке резко возрос с 8,4 млн долл. в 1918 г. до 52 млн долл. в 1919 г. Поставлялось большое количество сухофруктов, сгущённого молока и мясных консервов [31, с. 114—115].

Даже в самые сложные периоды дальневосточной истории американские и русские торговые суда совершали коммерческие рейсы через Тихий океан. В начале 1920 г. правление Добровольного флота поставило несколько судов на тихоокеанскую линию между Владивостоком и Сан-Франциско. В местных газетах на протяжении ряда лет публиковалась информация о прибытии американских и русских судов с коммерческим грузом из США во Владивосток. Например, довольно типичными были такие объявления: «Ожидается приход парохода „Омск“ из Америки с различными

мануфактурными товарами для населения Сибири» [20]. В ноябре 1920 г. на рейде Владивостока наряду с русскими, английскими и японскими судами стоял американский пароход «Вестджина» [18]. Деловое посредничество дальневосточного торгового флота стало одним из факторов сохранения непрерывности российско-американских экономических связей в регионе.

После вывода в апреле 1920 г. американских экспедиционных сил с Дальнего Востока объём региональной торговли с США ощутимо сократился. Например, по данным Владивостокской таможни за июль — сентябрь 1921 г., главным поставщиком товаров для Владивостока стала Япония, доставившая 409 тыс. пудов груза, потом Китай — 375 тыс. пудов. Для сравнения: из Америки поступило только 22 тыс. пудов грузов, главными из которых были мука, крупа и керосин [8]. Такая динамика не менялась на протяжении всего года. За весь 1921 г. во Владивосток из Японии поступило разного рода грузов 1 643 695 пудов, из Китая — 899 658, из США — 230 126, из Англии — 33 443, что позволило местному изданию «Русское Приморье» сделать очевидный вывод: «Подведя итоги поступления во Владивосток морским путём товаров в минувшем 1921 г., мы видим, что на первом месте отправления к нам товаров стоит Япония, за которой следует Китай, а затем уже Америка и Англия» [29, с. 12].

Среди ввозимых в 1921 г. через Владивосток грузов из зарубежья имелось и оружие, что объяснялось запросами военного времени. Но американского оружия было относительно немного — 15 пудов. Для сравнения: из Японии было доставлено 105 пудов оружия, из Китая — 21 пуд [28, с. 13]. Однако необходимо отметить, что неучтённое никакой статистикой оружие могло поступать из Америки через Камчатку и Чукотку — традиционные зоны влияния американских торговцев и китобоев.

В свою очередь из экспортных товаров Сибири и Дальнего Востока особый интерес для американцев традиционно представляла пушнина. В годы интервенции и Гражданской войны её вывоз достиг небывалых масштабов. И белые, и большевистские правительства на местах видели в пушной торговле важнейший источник дохода на своей территории. Например, только за три месяца — с 15 августа по 15 ноября 1919 г. — по разрешению колчаковского комитета по внешней торговле в Америку было вывезено 9610 шкурок лисы, 48 242 шкурки горноста, 2122 шкурки соболя, 6859 шкурок песца, 1 184 094 шт. и 103 пуда шкурок белки [9, с. 37]. В этот же период было дано разрешение на ввоз в США пушнины, не учтённой по штукам и пудам, на 271 тыс. долл., пушнины разной — 250 пудов и 152 093 шт. [9, с. 37]. Следует отметить, что меха американцы всё-таки закупали, а не вывозили бесплатно «воровским» образом.

Нередко отряды белых атаманов Калмыкова и Семёнова, действовавшие под патронажем японцев, грабили или пытались ограбить американских коммерсантов, вызывая возмущение последних. Так, в декабре 1919 г. американские торговцы обратились в госдепартамент с требованием повлиять на японское правительство и «генерала» Семёнова, препятствовавших вывозу из Сибири закупленных мехов. Семёнов пытался реквизировать пушнину «будто бы для военных надобностей и потом перепродать её японцам» [13].

Меховой бизнес американцев на Дальнем Востоке продолжался и после падения колчаковского режима с любыми местными властями, включая просоветские. Большевистская газета «Красное знамя» могла обвинить американцев лишь в массовой скупке мехов, но не реквизиции или занижении цен на пушнину. В одной из статей отмечалось, что в осенне-зимний сезон 1922 г., «ввиду бездействия [отечественной] кооперации», скупщиками пушнины в Забайкалье стали «исключительно американские фирмы», которые платили «за белку 1 долл., волка — 20 долл., лисицу — 15 долл., соболя — 50 долл.» [23]. Установленные американцами оптовые закупочные цены на пушнину нельзя было назвать грабительскими, поскольку розничная цена на белку в том же году в Америке составляла менее 1,5 долл. за шкурку [25].

По мере расширения территорий, контролируемых советскими властями, американские скупщики пушнины легко налаживали контакты и с ними. Например, большевистское правительство в Петропавловске в июле 1921 г. вело переговоры с американскими компаниями о продаже пушнины с Командорских островов. Американская фирма Олафа Свенсона, торговавшего на Чукотке ещё до революции, давала за песцов по 100 руб., причём наличными следовало платить 20%, а 80% — товарами [7].

В декабре 1922 г. Восточным отделом Сибдальвнешторга (Сибирское и Дальневосточное областное управление уполномоченного наркомата внешней торговли РСФСР⁴) только «американской фирме Гершковича было продано пушнины на 800 тыс. долларов» [24]. Газета «Красное знамя» отмечала, что в декабре 1922 г., т.е. уже при советской власти на Дальнем Востоке, через Владивосток было вывезено «всего около 20 тыс. шкурок белки против сотен тысяч в прошлом году, а также миллионов шкур, вывозимых через Харбин» [25].

Дальний Восток фактически вошёл в состав РСФСР в конце 1922 г. и почти сразу перестал быть самостоятельным субъектом международных отношений. С этого времени и до начала Второй мировой войны экономическое сотрудничество стало почти единственной

⁴ Существовало в 1921—1923 гг.

формой региональных российско-американских отношений. Масштабы и интенсивность торгово-экономических связей России и Америки на Тихом океане заметно снизились, а сами они стали жёстко следовать логике межправительственных отношений.

Сложные экономические условия, в которых оказалась Советская Россия после Гражданской войны, препятствовали оказанию действенной помощи Дальнему Востоку из Центра. Помимо этого, советское правительство, как и ранее царское, было сориентировано на развитие преимущественно европейской части России. Поэтому в первые годы советской власти для восстановления экономики Дальнего Востока был взят курс на ограниченную автономность хозяйственной жизни региона с использованием внешнеторговых источников развития, включая американские.

Соединённые Штаты признали Советский Союз только в 1933 г. — позже других западных государств, однако и при отсутствии дипломатических отношений торгово-экономические контакты двух стран на частной основе никогда не прерывались. В декабре 1923 г. на заседании конгресса президент США К. Кулидж заявил о том, что правительство США не имеет ничего против торговых сделок с Россией. Советско-американская торговля на Тихом океане началась в 1924 г. с товарооборотом, составившим 813 тыс. долл., который к 1930 г. достиг 5,46 млн долл. [31, с. 117].

Советская Россия нуждалась не только в политическом признании со стороны Америки, но и в технической помощи, а также в американских машинах и оборудовании для реализации программ индустриализации и коллективизации. Именно в 1920-е гг. сельскохозяйственные машины стали главной статьёй экспорта США в СССР. С 1928 г. в дальневосточном импорте заметное место занимают различные машины и промышленное оборудование, а не только продовольствие. В 1930 г. Советский Союз закупил в США половину всех экспортируемых американских тракторов. Согласно данным американской таможенной статистики, свыше 2/5 всего импорта из США составляли земледельческие орудия, тракторы, рыбоконсервное и транспортное оборудование [27, с. 263]. В 1930-е гг., по мере формирования и укрепления региональной транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке, в США была закуплена группа судов для морского торгового флота — «Волховстрой», «Днепрострой», «Шатурстрой», «Свирьстрой» и «Сясьстрой» [10, с. 145].

Особое место в региональных торгово-экономических отношениях СССР и США до конца 1920-х гг. занимал дальневосточный север. Будучи не в состоянии обеспечить Камчатку и Чукотку продовольствием, Дальревком передал в 1924 г. снабжение этого региона Акционерному Камчатскому Обществу (АКО) с правом ведения

внешней торговли. АКО установило, а точнее возобновило, коммерцию с компанией О. Свенсона. Как и в досоветский период, на Камчатку из США поставлялись соль, кожаная обувь, ткани, бельё, одежда, галантерея, охотничьи принадлежности и припасы, табачные изделия, продукты питания в обмен на меха. В дальнейшем государство ограничило роль иностранного контрагента содействием по заготовке необходимых товаров, которые приходилось закупать в Америке [4, с. 13].

До конца 1920-х гг. американская торговля на крайнем северо-востоке страны осуществлялась традиционно, как и до революции, нередко в обход новых правил и институтов. Мелкие и средние американские коммерсанты из Нома на своих шхунах продолжали посещать селения на Чукотке для ведения меновой торговли. Власти пытались препятствовать нелегальному движению людей и товаров через Берингов пролив, но это оказалось невыполнимым до создания полноценной пограничной службы. «По-прежнему американские промышленные изделия и продукты питания — фаянсовая посуда, лампы, алюминиевые кастрюли, сгущённое молоко, фрукты и спирт — попадали на Чукотку» [33, р. 163].

Таким образом, американская торговля на советском Дальнем Востоке, равно как и осуществлявшаяся транзитом через Дальний Восток, решала в 1920-е гг. две основные задачи: смягчала проблему снабжения населения потребительскими товарами и обеспечивала советскую промышленность в период индустриализации необходимыми машинами и оборудованием.

В свою очередь, советский экспорт с Дальнего Востока через Тихий океан на американское Западное побережье имел преимущественно ресурсную номенклатуру. Так, в 1933 г. более 27% от американского импорта крабов и крабового мяса поступало с Камчатки [31, с. 117]. Кроме того, по-прежнему ключевое значение имел пушной экспорт. Наиболее крупные сделки по закупке сибирской и дальневосточной пушнины осуществлялись компаниями «Гершкович и сын», «Эйтингтон-Шилд Ко» и др., а на северо-востоке — известными фирмами О. Свенсона и «Хадсон Бэй Ко» [4, с. 13].

Как отмечал в своих мемуарах вице-президент США Г. Уоллес, его страна была заинтересована в ряде товаров из СССР. Американское Бюро внешней и внутренней торговли составило в середине 1940-х гг. список из 200 русских товаров, попавших на американский рынок за последние 20 лет, и многие американские импортёры, включая крупные универмаги, находили их вполне достойными [34, р. 209].

Однако в начале 1930-х гг. наблюдается тенденция к ограничению советско-американской торговли на Тихом океане как из-за проблемы платёжного баланса на фоне охватившей США Великой депрессии,

так и из-за усиления закрытости советского общества. Вплоть до начала программы ленд-лиза 7 ноября 1941 г. американский экспорт на Дальнем Востоке так и не достиг уровня 1931 г. [31, с. 118].

Важнейшим направлением экономического взаимодействия советского Дальнего Востока и США была концессионная деятельность. Концессии считались главной формой привлечения Советами иностранного капитала в Россию. Уже в мае 1918 г. советское правительство выразило готовность предоставления концессий США и другим странам на котиковые промыслы на Командорских островах и лесные богатства Камчатки [22, с. 15]. В годы Гражданской войны и иностранной интервенции с помощью концессий Кремль планировал усиливать разногласия и противоречия между странами, имеющими свои интересы в Дальневосточном регионе, прежде всего США и Японией.

Ещё до установления советской власти на Дальнем Востоке локальные правительства и бизнес сами предпринимали попытки наладить международное концессионное сотрудничество. Однако иностранные деловые круги проявляли осторожность в этом вопросе. Экономическое издание «Русский Дальний Восток» ещё в 1920 г. отмечало, что «иностранцы... крайне боязливо относящиеся, вследствие политической неустойчивости нашей власти, ко всякого рода промышленным начинаниям края, конечно, совершенно станут воздерживаться от вступления в какие бы то ни было дела, в частности от получения концессий на Дальнем Востоке» [1, с. 51].

Конституция Дальневосточной республики (ДВР) от 27 апреля 1921 г. предусматривала возможность привлечения иностранного капитала через организацию концессий в целях восстановления отдельных отраслей хозяйства. Одним из первых концессионных договоров, обсуждаемых сначала правительством ДВР, а затем и РСФСР (1920), стало соглашение с американским бизнесменом и авантюристом В. Вандерлипом, который, ссылаясь на свои якобы связи в высших политических и деловых кругах США, просил Москву предоставить ему исключительные права сроком на 60 лет на ресурсы территории, включавшей всю Камчатку и Чукотку. Правительство США не поддержало планы Вандерлипа и сочло нужным заявить, что ввиду непризнания Америкой советского правительства всякие контракты, заключаемые с последним, ни к чему Вашингтон не обязывают, а сам Вандерлип не может рассчитывать на поддержку американских властей [5, с. 104]. В свою очередь, советская сторона, в лице наркома торговли Л.Б. Красина, сформулировала ряд требований к этому соглашению, направленных на сохранение испрашиваемых территорий в составе РСФСР, тем самым заложив основы советской концессионной политики. В требованиях

подчёркивалось, что «суверенитет над этими областями Совдепия не должна уступать ни в коем случае, и дельцы из Лос-Анджелеса должны эту истину хорошо усвоить» [27, с. 386].

Помимо несостоявшейся концессии Вандерлипа имели место и другие проекты американцев. Так, по сообщениям дальневосточной печати, в Министерство иностранных дел ДВР в Чите и к его представителям во Владивостоке поступали «многочисленные предложения американских и японских фирм на сдачу им лесных концессий и разработку горных богатств». Например, в январе 1921 г. представитель компании «Юба констракшн» из Сан-Франциско сделал заявку на предоставление его синдикату права на проведение разведки золота, платины, серебра и т.д. на территории Амурской области и сопредельных районов Якутии и Забайкалья [19]. В июне 1921 г. в Благовещенск прибыл Джон Хэмлин, один из крупнейших участников этого предприятия, с тем чтобы получить концессию на разработку золотоносных площадей в Амурской области, рассчитывая в случае успеха переговоров с правительством ДВР заключить договор на 30 лет и начать работу с весны 1922 г. [2]. Его предложение, как и многие другие последующие, не нашло поддержки в Чите.

Так, весной 1921 г. Читу посетила делегация американских бизнесменов для ведения переговоров о лесных концессиях. Правительству ДВР был задан вопрос о том, может ли оно «дать представителям капитала концессию на разработку в течение ближайших 10 лет площади дубового леса для вывоза ежегодно полутора миллионов куб. футов дубовых чурок» [6]. При этом американцы требовали экономических и политических гарантий безопасности, опасаясь, что ДВР подпадёт под власть Москвы и на Дальнем Востоке восторжествуют коммунистические принципы. Ответы читинского правительства не удовлетворили американскую делегацию, поэтому никакие контракты не были подписаны.

В целом концессионная политика в этот период оставалась преимущественно политикой намерений, а не действий. Владивостокская газета «Владиво-Ниппо» точно подметила, что «все сведения читинской прессы о заключённых концессиях некоторыми американскими фирмами по разработке лесов и золотоносных россыпей, при проверке их в дипломатических и финансовых кругах, оказываются несоответствующими действительности... Ни одно соглашение о концессиях не заключено» [3].

Только в январе 1922 г. фирма «Синклер ойл» подписала с ДВР первый «американский» контракт сроком на 36 лет, который обеспечивал ей права на поиск нефти вдоль северо-восточного побережья Сахалина. Контракт был ратифицирован правительством РСФСР в 1923 г. Мотивы предоставления концессии этой американской

компания были аналогичны причинам заключения соглашения с Вандерлипом: использовать интересы американского капитала в качестве противовеса японскому присутствию на Дальнем Востоке. Однако представители «Синклер ойл» были выдворены с Сахалина японскими оккупационными войсками задолго до окончания срока контракта [5, с. 105].

После вхождения ДВР в состав РСФСР концессионная политика в Дальневосточном регионе сразу же оказалась под контролем Москвы, что соответствовало государственному курсу на централизацию и усиление контроля. Условием перезаключения концессионных договоров на основе законов РСФСР была уплата задолженности государству со дня эксплуатации концессионных объектов независимо от прежних платежей, что сразу же снижало заинтересованность иностранного бизнеса. Тем не менее в 1923—1927 гг. с американцами было заключено несколько договоров в сфере золотодобычи на Дальнем Востоке. Юридической базой проведения концессионирования в горном деле стал «Кодекс горных законов», сложившийся на основе ряда декретов 1923 г. Исходя из него был определён дальневосточный концессионный фонд в горном производстве. В него входили месторождения золота Дражруд по р. Харге, Керби по р. Гонгрэн, Моготское [22, с. 19].

Внимание американских бизнесменов привлекала золотодобыча не только в Чукотско-Анадырском крае [5, с. 112]. Так, 25 октября 1923 г. гражданин США Ч. Смит заключил договор с правительством СССР о ведении золоторазведки на семи государственных приисках в районе р. Харги в Амурской области. Отчёты о своей работе и все полученные разведанные, равно как и добытое в результате разведки золото, он должен был направлять в Дальпромбюро. Ещё один концессионный договор был заключён 29 марта 1924 г. между правительством СССР и американским гражданином Дж.С. Винтом на право разработки золотоносных приисков в Амурской области по правому притоку р. Селемджи в течение 20 лет [27, с. 396, 398—399]. Однако уже к концу 1920-х гг. советское правительство взяло курс на постепенное свёртывание концессионной деятельности и вытеснение иностранного бизнеса из страны.

В 1920-е гг. возобновился интерес американцев к международным транспортным проектам на Дальнем Востоке. Например, в 1928 г. инженер с Аляски Дональд Макдональд обратился к советскому правительству с запросом о строительстве дороги со стороны Чукотки к Берингову проливу, с тем чтобы соединить её с шоссе Ном — Фэрбенкс — Сизтл посредством воздушного или паромного моста. Он был готов предложить свои услуги в деле строительства советско-американского трансконтинентального транспортного

коридора. Разумеется, в условиях усиления государственного контроля над обществом, реализация подобного проекта была невозможна. В 1931 г. его автор получил вежливый отказ из Торговой палаты СССР, уведомившей его, что, «к сожалению, проект не осуществим на практике в ближайшее время» [32, р. 2]. Вновь к идее транспортного моста через Тихий океан Россия и США вернулись в годы Второй мировой войны для решения задачи переброски американских ленд-лизских грузов, в том числе и по трассе Алсиба.

Таким образом, американское экономическое присутствие на Дальнем Востоке в 1920-е гг. отражало как региональную специфику, так и общие тенденции развития советско-американских межгосударственных отношений. В годы Гражданской войны и интервенции, в условиях децентрализации и деэтизации России, американский капитал получил возможность расширения своего влияния и более свободный, чем раньше, доступ к ресурсам Сибири и Дальнего Востока. В свою очередь, явную заинтересованность в сотрудничестве с США проявлял не только российский бизнес, но и многочисленные новые правительства Дальневосточного региона, независимо от их политической ориентации. После установления советской власти на Дальнем Востоке и усиления государственного контроля над всеми сферами жизни общества началось постепенное вытеснение американского капитала. Наиболее гибкой, жизнеспособной и продуктивной формой американского экономического присутствия на Дальнем Востоке в 1920-е гг. оказалась торговля, имевшая здесь давние традиции. Меньшее влияние на экономическое развитие Дальневосточного региона в данный период оказали концессионные проекты с участием американского бизнеса. Другие формы экономического взаимодействия двух стран на Дальнем Востоке, такие как международные транспортно-коммуникационные проекты или обмен специалистами, не получили распространения ввиду формирующейся закрытости советского общества и были фактически отложены на более поздние периоды XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вандерлип и его концессия // Русский Дальний Восток. Токио. 1920. № 3. С. 50—52.
2. Вечер. 1921. 11 июля.
3. Владиво-Ниппо. 1921. 26 июля.
4. Гапанович И.И. Россия в Северо-Восточной Азии. Пекин, 1933. Ч. 1. 202 с.
5. Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001. 180 с.

6. Голос Родины. 1921. 14 апреля.
7. Голос Родины. 1921. 27 августа.
8. Голос Родины. 1921. 23 октября.
9. Григорцевич С. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и её разгром (1918—1922). М.: Госполитиздат, 1957. 200 с.
10. Дальневосточное морское пароходство. 1880—1980 / колл. авт.: М.С. Баби-евский, В.П. Бянкин и др. Владивосток: Дальневосточное книжное изда-тельство, 1980. 590 с.
11. Дальневосточное обозрение. 1919. 10 апреля.
12. Дальневосточное обозрение. 1919. 19 декабря.
13. Дальневосточное обозрение. 1919. 31 декабря.
14. Дальневосточное обозрение. 1920. 2 марта.
15. Дальневосточное обозрение. 1920. 27 марта.
16. Дальневосточное обозрение. 1920. 5 мая.
17. Дальневосточное обозрение. 1920. 11 мая.
18. Дальневосточное обозрение. 1920. 17 ноября.
19. Дальневосточное обозрение. 1921. 12 января.
20. Дальний Восток. 1920. 28 января.
21. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. Вла-дивосток: Дальнаука, 1995. 216 с.
22. Кошкарева С.Г. Советская концессионная политика на Дальнем Востоке страны (1920—30-е гг.) // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 1 (19). С. 15—23.
23. Красное знамя. 1922. 2 декабря.
24. Красное знамя. 1922. 13 декабря.
25. Красное знамя. 1922. 20 декабря.
26. Петров А. Наша экономическая зависимость // Великий океан. 1919. № 2—3. С. 55—62.
27. Россия и США: торгово-экономические отношения 1900—1930. Сборник документов / под ред. Г. Севостьянова. М.: Наука, 1996. 459 с.
28. Русское Приморье. 1922. № 2.
29. Русское Приморье. 1922. № 5.
30. Русское Приморье. 1922. № 9.
31. Советско-американские отношения в бассейне Тихого океана: прошлое и бу-дущее / под общ. ред. В.П. Чичканова, Д. Стефана. М.: Прогресс, 1987. 254 с.
32. Michael F.N. New Bridges to Asia. Soviet Far East and Pacific Northwest / ed. by R. Mosse. Seattle: University of Washington, 1944. 4 p.
33. Stephan J. The Russian Far East. A History. California: Stanford University Press, 1994. 482 p.
34. Wallace H.A. Soviet Asia Mission. New York, 1946. 254 p.

REFERENCES

1. Vanderlip i ego kontsessiya [Vanderlip and His Concession]. *Russkiy Dal'niy Vostok*. Tokyo, 1920, no. 3, pp. 50—52. (In Russ.)
2. *Vecher*, 1921, July 11. (In Russ.)
3. *Vladivo-Nippo*, 1921, July 26. (In Russ.)
4. Gapanovich I.I. *Rossiia v Severo-Vostochnoy Azii* [Russia in Northeast Asia]. Bei-jing, 1933, Part 1, 202 p. (In Russ.)

5. Garusova L.N. *Rossiysko-amerikanskije regional'nye otnosheniya na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Russian-American Regional Relations in the Far East: History and Modernity]. Vladivostok, Izd-vo VGUES Publ., 2001, 180 p. (In Russ.)
6. *Golos Rodiny*, 1921, April 14. (In Russ.)
7. *Golos Rodiny*, 1921, August 27. (In Russ.)
8. *Golos Rodiny*, 1921, October 23. (In Russ.)
9. Grigortsevich S. *Amerikanskaya i yaponskaya interventsija na Sovetskom Dal'nem Vostoke i ee razgrom (1918—1922)* [American and Japanese Intervention in the Soviet Far East and Its Defeat (1918—1922)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957, 200 p. (In Russ.)
10. *Dal'nevostochnoe morskoe parokhodstvo. 1880—1980* [Far Eastern Shipping Company. 1880—1980]. Team of authors: M.S. Babievskiy, V.P. Byankin et al. Vladivostok, Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1980, 590 p. (In Russ.)
11. *Dal'nevostochnoe obozrenie*, 1919, April 10. (In Russ.)
12. *Dal'nevostochnoe obozrenie*, 1919, December 19. (In Russ.)
13. *Dal'nevostochnoe obozrenie*, 1919, December 31. (In Russ.)
14. *Dal'nevostochnoe obozrenie*, 1920, March 2. (In Russ.)
15. *Dal'nevostochnoe obozrenie*, 1920, March 27. (In Russ.)
16. *Dal'nevostochnoe obozrenie*, 1920, May 5. (In Russ.)
17. *Dal'nevostochnoe obozrenie*, 1920, May 11. (In Russ.)
18. *Dal'nevostochnoe obozrenie*, 1920, November 17. (In Russ.)
19. *Dal'nevostochnoe obozrenie*, 1921, January 12. (In Russ.)
20. *Dal'niy Vostok*, 1920, January 28. (In Russ.)
21. *Kolchak i interventsija na Dal'nem Vostoke: Dokumenty i materialy* [Kolchak and Intervention in the Far East: Documents and Materials]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1995, 216 p. (In Russ.)
22. Koshkareva S.G. *Sovetskaya kontsessionnaya politika na Dal'nem Vostoke strany (1920—30-e gg.)* [Soviet Concession Policy in the Far East of the Country (1920—30s)]. *Vestnik KRAUNTS*, series “Gumanitarnye nauki”, 2012, no. 1 (19), pp. 15—23. (In Russ.)
23. *Krasnoe znamya*, 1922, December 2. (In Russ.)
24. *Krasnoe znamya*, 1922, December 13. (In Russ.)
25. *Krasnoe znamya*, 1922, December 20. (In Russ.)
26. Petrov A. *Nasha ekonomicheskaya zavisimost'* [Our Economic Dependence]. *Velikiy okean*, 1919, no. 2—3, pp. 55—62. (In Russ.)
27. *Rossiya i SShA: torgovo-ekonomicheskie otnosheniya 1900—1930. Sbornik dokumentov* [Russia and the United States: Trade and Economic Relations 1900—1930. Collection of Documents]. Ed. by G. Sevost'yanov. Moscow, Nauka Publ., 1996, 459 p. (In Russ.)
28. *Russkoe Primor'e*, 1922, no. 2. (In Russ.)
29. *Russkoe Primor'e*, 1922, no. 5. (In Russ.)
30. *Russkoe Primor'e*, 1922, no. 9. (In Russ.)
31. *Sovetsko-amerikanskije otnosheniya v bassejne Tikhogo okeana: proshloe i budushchee* [Soviet-American Relations in the Pacific: Past and Future]. General ed. by V.P. Chichkanov, D. Stefan. Moscow, Progress Publ., 1987, 254 p. (In Russ.)
32. Michael F.N. *New Bridges to Asia. Soviet Far East and Pacific Northwest*. Ed. by R. Mosse. Seattle, University of Washington Publ., 1944, 4 p. (In Eng.)
33. Stephan J. *The Russian Far East. A History*. California, Stanford University Press Publ., 1994, 482 p. (In Eng.)
34. Wallace H.A. *Soviet Asia Mission*. New York, 1946, 254 p. (In Eng.)